

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Сахр

Над объездной дорогой, которая огибала город по кромке лиманов, висела горячая пыль. Потоки машин двигались в обе стороны почти без перерывов.

Возле дежурной машины ГАИ страдал от жары сержант Васютинский. Пыль скрипела на зубах, воротничок рубахи миглом почернел и натирал шею, мучительно хотелось холодного пивка. А на середине лимана на надувной лодке удил рыбу какой-то мужик, и ему не было жарко! Хотя его коллеги, удившие на берегу, давно разошлись по домам.

По шоссе с дозволенной скоростью двигались тяжелые фуры. Между ними, как назло, тоже по правилам ехали иномарки с затемненными стеклами и маршрутки.

Звякнул мобильник – пришла SMS. Сержант отвернулся от солнца, чтобы прочитать текст.

Когда он поднял голову, то не понял, что произошло. Дорога, только что заполненная транспортом, была совершенно пустой. Пыль, только что поднятая фурой у обочины, висела в воздухе, а самой фуры не было даже в отдалении. А главное – тишина. Абсолютно ватная тишина, и ни дуновения ветерка.

«Какая жара, – подумал сержант. – И машин нету. Наверное, что-то случилось. Еще и с двух сторон. Может, кто-то пере-

---

* Продолжение. Начало в кн. 64-70.

крыл дорогу для начальства? А чего не предупредили? Пойду, позвоню».

Не успел он дойти до автомобиля, как со стороны поселка появились первые машины. Когда они приблизились, сержант не поверил своим глазам.

Впереди колонны мчались галопом четыре белых верблюда по два в ряд. На каждом верблюде висели по два огромных барабана. Четыре наездника в шелковых синих шароварах, красных расшитых золотом куртках и оранжевых чалмах ритмично били в барабаны колотушками. Руки их двигались медленно и торжественно, как при замедленной съемке. Звуков слышно не было, но при каждом ударе колотушки закладывало уши и екала диафрагма под солнечным сплетением.

Верблюды тоже двигались медленно, как будто плыли в мареве над дорогой, хотя было очевидно, что они скачут что есть сил.

За наездниками по шоссе двигались гуськом три черных джипа. Над первой машиной четыре огромных трехметровых негра несли красный балдахин с кистями на четырех шестах. Негры были совершенно черные, под цвет джипа, и такие же блестящие, в красных набедренных повязках, золотых ожерельях и страусовых перьях на головах.

Процессия поравнялась с Васютинским. Окна автомобилей были тонированы, и разглядеть пассажиров было невозможно. Сержант на всякий случай стал смирно и взял под козырек.

На крыше последнего джипа сидели два здоровенных павиана. Проезжая мимо Васютинского, павиан повернулся, открыл пасть, показав огромные клыки, и лапой что-то бросил сержанту. Тот машинально поймал и зажал в кулаке. Потом сержант крепко закрыл глаза и помотал головой.

Открыл – никаких джипов с верблюдами и павианами не было.

По шоссе в двух направлениях двигался поток машин.

Разжал ладонь. На ней ехидным вопросом лежала золотая монета, до отворачивания реальная, с изображением двух пере-

секающихся треугольников и каких-то восточных букв. Монета была тяжелая и солидно лоснилась, отшлифованная сотнями рук.

Сержант еще раз посмотрел на монету, подошел к парапету, размахнулся и зашвырнул ее в лиман.

Петя

От увиденного Петя остолбенел, внутри все сжалось, навалилось осознание непоправимости и горя. Одновременно возникла мысль, что надо что-то делать, что это подстава, и что это только начало бедствий. Что же будет дальше?

Петя почему-то аккуратно поставил мясорубку возле стены и бросился вон из квартиры.

Времени запираться дверь не было – внизу слышались тяжелые торопливые шаги. Петя побежал вверх по лестнице. На четвертом этаже остановился и прислушался. Ему показалось, что хлопнула его дверь.

«И отпечатки пальцев остались! – возникла идиотская мысль. И тут же была отвергнута как идиотская. – Там же везде мои отпечатки – живу я там», – подумал Петя и удивился своей способности здраво рассуждать.

«Сейчас они увидят, что меня нет, и бросятся искать». Кто такие «они», Петя не сомневался. Вниз идти нельзя – засада, вверх некуда. Тут ему попала на глаза дверь Жориной квартиры. Позвонил. Кто-то заглянул в глазок, дверь открылась, и появился жующий Жора.

– Можно от тебя позвонить, а то у меня чего-то... – Петя сделал неопределенный жест.

– В комнате на тумбочке, – Жора махнул рукой в сторону комнаты и отправился на кухню.

– Кофе будешь? – донесся оттуда не совсем членораздельный вопрос: Жора не переставал жевать.

Красный телефон стоял на тумбочке у дивана. Куда звонить? В милицию? И сказать, что я только что убил человека мясорубкой, и за мной гонятся джинны, спасите?!

Соломону? Так, вероятно, он это все и организовал, гандон надувной. Галине? Она же лежит в прихожей с раскрытым черепом.

Выхода не было. Сейчас сюда ворвутся джинны в какой-нибудь подходящей форме и заодно прихватят жующего Жору.

Петя вышел на балкон, постоял минутку и начал перелазить через перила.

– Ты куда лезешь, суицидный ты наш? – остановил его на полдороге к полету голос Жоры. – Сорвешься на хрен – одна печенка долетит.

Жора стоял в дверях комнаты с чашечкой кофе в руках.

Спокойный и будничный голос Жоры произвел на Петю отрезвляющее впечатление. Он обнаружил себя сидящим верхом на балконной ограде одной ногой над пропастью, вспомнил советы лилии, перед ним всплыло лицо Галины. Не лежащее с удивленным выражением в луже крови, а живое и смеющееся.

– Ах вы убудки драные, – сказал Петя, выговаривая раздельно каждое слово. – Так вот что вы для этого делаете. Я вам устрою кердык рукотворный.

Что-то в его голосе и выражении лица не понравилось Жоре. Он нырнул за дверь туалета и закрылся изнутри.

Распахнув дверь, Петя выбежал на лестницу и побегал вниз, пропуская ступеньки. Из его квартиры кто-то попытался выйти. Петя с разгону ударил в дверь ногой. Дверь с грохотом захлопнулась, внутри что-то упало.

Выбежав на улицу, Петя пробежал еще метров двадцать и завернул за угол дома. Остановился, выглянул.

Никакой погони не было. Было раннее утро. Только что прошел дождь. Куда-то спешили двое прохожих. Подобная безмятежность Петю не успокаивала. За ним мог следить любой воробей или вон тот толстый голубь. Надо было действовать, и притом быстро. План уже созрел, и Петя, бормоча про себя: «Ну, я вам покажу!» – направился к аптеке.

Аптека еще не открылась, и Пете пришлось подождать минут десять под дверью.

– Мне презервативов пачек десять, потоньше, – сообщил он девушке, как только она стала за стойку.

– Вам какие? У нас все тонкие и прочные, – спросила она, показав рукой на витрину.

– Мне все равно, давайте быстрее, и прочность совершенно не обязательна.

Получив заказ и расплатившись, Петя быстрым шагом вышел из аптеки.

– Недогулял, наверное, – с уважением предположила вторая дама, выходя из подсобки.

– И о демографическом положении страны заботится, – отозвалась первая. – Таких мужиков редко встретишь.

Остановив такси, Петя влез и сказал:

– В храм, быстрее!

– В какой храм? – спросил водитель в некотором недоумении.

– На Пушкинской, – уточнил Петя, поняв, что он говорит не все, что думает.

Выйдя возле церкви, Петя решил, что ему не во что будет набрать воду. Он зашел в супермаркет, купил двухлитровую бутылку «Лужанской» и вылил ее под дерево. Набрав в бутылку святой воды и кинув пять гривен в ящик для пожертвований, компенсируя затраты на освящение воды, Петя вышел из храма и обосновался в сквере на скамейке. Он стал доставать из оберток по одному презервативу и наливать в них освященную воду из бутылки. Наполненные колыхающиеся презервативы он завязывал узлом и аккуратно укладывал в целлофановый кулек, прихваченный в супермаркете.

Бомжи, отдохавшие на соседней скамейке, на всякий случай снялись и удалились, позвякивая стеклотарой в сумках. Странный человек может быть опасным, решили они.

Через полчаса и пятьдесят гривен Петя выходил из машины на дороге над Куяльницким санаторием. Машина, развернувшись, уехала, а Петя бодро зашагал в поля, приговаривая:

– Вот я к вам сейчас вернусь. Посмотрим, кто покойник. Где тут ваши гребаные двери?

Ворота стояли на месте. Не мешкая, Петя достал первый снаряд и метнул в замок калитки. Задвижка с проушинами зашипела и исчезла. Замок упал на землю. Петя бросился вперед, распахнул дико скрипнувшую калитку и прошел через нее.

То же поле, те же бурьяны и лиман на горизонте.

– Так, значит, вот как у вас тут все схвачено, – пробормотал Петя. – Посмотрим, как вы будете высовывать из своей норы рыло, когда я выход завалю.

Он отошел шагов на пять от ворот и бросил еще один снаряд. Ворота зашипели, на левой створке появилась дыра в форме большой кляксы. Воодушевленный первыми успехами, Петя стал доставать по одному перекатывающемуся в пальцах наполненному водой презервативу и прицельно метать в остатки все уменьшающихся ворот.

От ворот оставался правый верхний угол, висящий в воздухе, когда Петя услышал у себя за спиной плаксивое завывание. Голос был человеческий, но с какими-то скулящими собачьими нотками.

– Ну нельзя же так, мы же пошутили, а ты такой хороший проход закрыл. Теперь ищи-свищи в поле. Я его три года искал.

Петя бросил снаряд в угол ворот, и от них вообще ничего не осталось.

Метрах в двадцати позади него сидел желтый песик и причитал, указывая передней лапкой на место, где раньше находились ворота.

– Ах ты ж сука, – прошипел Петя, нащупывая в пакете последний презерватив.

– Простите, кобель, – поправил его песик, приготовившись удирать.

– Тебе уже все равно, гавно собачье, кал еси, – закричал Петя, прицеливаясь «снарядом» в песика.

Песик рванул по огородам. Петя за ним. Бросить можно было только наверняка. Минут через пять такой гонки по пересеченной овощами местности, Петя понял, что собаку ему не догнать. Тем более – джинна в собачьей шкуре. Кроме того, Асаф во время бега зигзагами все время предлагал остановиться и поговорить.

Петя, запыхавшись, благосклонно принял предложение, так как бежать уже больше не мог.

Асаф сел поодаль, выглядывая из-за деревянного ящика, лежащего между грядок.

– Так, говоришь, это у вас шутки такие? – поинтересовался Петя с недоброй ухмылкой, пытаясь незаметно приблизиться к Асафу на расстояние верного броска.

Песик этот маневр разгадал и передвинулся за куст чертополоха.

– Труп моей Галки, которую я убил своими руками с вашей подлой подставки, и менты, что меня тут же и повязать должны были, – это тоже шутки в джинновском варианте?

– Да никого ты не убивал, все живы-живехоньки. Твоя Галка вот сейчас только приехала и в дом входит. Позвони – убедись!

– Не буду я звонить – опять ваши понты дешевые. Если вы Галку скопировали, то ее голос и подавно.

Выдав такую логически правильную фразу, Петя все-таки достал мобильник и позвонил к себе домой. После нескольких гудков трубку сняла Галка.

– Привет, Петя, – сказала она.

– Откуда ты знаешь, что это я? – удивился Петя.

– А только ты знал, когда я утром приеду.

– Да, конечно, – согласился он. – А как ты там? Жива, здорова, ничего у тебя не болит, голова, например?

– Петя, ты какой-то сегодня странный. Уж не загулял ли в мое отсутствие, что с утра о головной боли спрашиваешь? Ты где сейчас?

– Недалеко в городе. Я скоро приеду, поговорим. Целую.

Петя выключил мобилку.

– Ну, – ехидно сказал джинн, – убедился?

– Убедился я только в том, что я разговаривал с кем-то, кто говорил голосом Галины, и знает, что это я ей звоню, – логично заметил Петя.

– А когда ты с ней встретишься, ты будешь уверен только в том, что живешь с существом, полностью копирующим Галину во всем. И всю жизнь не будешь уверен, она ли это, или ее полная копия. И будешь придумывать способы

выяснения, пока окончательно мозгами не поедешь. И это отнюдь не шутки джиннов, а фокусы человеческого сознания. Хотя с точки зрения формальной логики, если два существа полностью идентичны, то это одно существо в двух экземплярах.

– Так ты, сволочь, еще издеваешься, – взревел Петя и бросил «снаряд» в песика. Презерватив с треском разбился о сухую землю. Песик отпрыгнул, но несколько капель все же попали ему на кожу. Пораженные места задымились, песик заскулил и стал увеличиваться. Через несколько секунд между грядками стоял давешний старик в ветхой желтой хламиде с дымящимися подпалинами. Как будто одежду обрызгали серной кислотой.

– Зря ты это, Петя! Ну и чего ты добился? Хороший проход поломал. Сахру на это начхать – он эти проходы одним поднятием брови делает. А я отсюда в ближайшее время все равно никуда не двинусь. И кожу мне испортил, теперь люди будут думать, что у меня лишай. Тебе ж от этого никакой пользы. Думаешь, тебя прессовать перестанут? Неа. И бросаться с Тещинога моста не советую. Хотели бы тебя убить – тебя бы уже не было.

– Говорите, больной, говорите... – пробурчал Петя, устало сев в траву. Злость прошла, но расслабляться было нельзя – понятно, с кем дело имеешь.

– Ты бы, Петя, не наглел, а спасибо сказал, что Сахр тебя не прикончил.

– И еще бы его в жопу облобызал за все его милости! – вызверился Петр. – Меня уже месяц вся ваша братия сожрать хочет по очереди. Но я не то колючий, не то ядовитый – что-то вам в глотку не лезу.

– Тебя как человека попросили: «Сделай одолжение, век будем благодарны».

– То есть убивать перестанете? Спасибо! Вот услуга так услуга, аж слеза прошибает. Благодетели!

– Ну подумай сам. У нас тут война назревает. Конец света – это, конечно сильно сказано, но идиоты есть и у нас. Затеять войну – раз плюнуть, остановить попробуй. Если джинну вож-

жа под хвост попадет – его сам Непроизносимый только убить может – иначе не остановишь. А тут такая штука: 5 километров – и все джинны в обмороке. Да может, эта штука мир в последнюю минуту удержит.

– Или вы ее уничтожите, и тогда вообще миру гамплык.

– Знаешь, Петечка, – старик тоже сел на траву, но на всякий случай от Пети подальше, и вид у него в его рваной дерюге стал усталый и замученный. – Я тут кое с кем поговорю – перестанут тебя прессовать. А ты подумай на досуге.

Джинновские войны – они ведь руками людей ведутся. Как у людей, война дубинами. Всякие там вулканы, ураганы, землетрясения – это уже крайняя мера. Так что, ты подумай, подумай! Я тебе свисток дам, как надумаешь – свистни. Тут к тебе кто-нибудь из наших придет и скажет, куда и как. А то пока на тебя жмут, ты из упрямства думать не хочешь, чтоб наш верх не был. Так что, пока, Петюня, до встречи!

И старик вдруг начал расплываться, теряя форму, на секунду стал серым туманным веретеном и вдруг превратился в желтого пса с подпалинами на клочковатой шкуре. Пес глянул на Петю желтыми с вертикальным зрачком глазами, задрал лапу, помочился на соседний куст картошки и, прихрамывая, побежал прочь.

Петр еле тащился по жаре, справа и слева от проселочной дороги тянулись пыльные ряды зеленых помидор. Вдали виднелся лиман, не обещающий прохлады.

Мысли одолевали его одна хуже другой. Особенно беспокоила мысль, что джинны воют руками людей. Петя жил в Одессе всю жизнь и примерно знал, кого и как джинны могут пристроить воевать. И жизнь от этого лучше не казалась. На фоне этих размышлений свои горести уже не выглядели такими ужасными, но выхода все равно видно не было.

– А чего это я все сам и сам? – сказал себе Петя. – Мало ли какой лапши этот гад мне навешает. А пойду-ка я к Дионисию, он, в конце концов, тоже в этом деле интерес имеет. Опять же Никифор должен про эти дела знать больше нас всех.

Словно в ответ на его мысли он услышал грохот и увидел, что его догоняет потрепанный «Москвич» с багажником на крыше. На багажнике высилась груда алюминиевых бидонов, связанных веревкой, и жутко грохотала. «Москвич» остановился. В машине сидел пожилой дядька с усами.

– Садись, парень, – предложил он. – На такой жаре без шляпы – солнечный удар получишь.

– Да у меня только пятерик, – смутился Петя.

– Тоже деньги, – сказал мужик.

И Петя сел в машину

Продолжение следует

